

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

Враги культуры у нашего порога

КОММУНИСТ**1982 № 3**

Европа как «мастерская человечества»

Монтескье, философ, чьи идеи были столь популярны в эпоху Просвещения, писал, что «Европа представляет собой мастерскую человечества». Французский мыслитель верил в географический детерминизм и был заранее предрасположен в пользу Европы, видя в ней источник мудрости и научного прогресса. Он был убежден, что будущее человечества зависит от европейской культуры, поскольку считал, что географическая среда континента идеальна для развития лучших качеств в человеческой природе. Его взгляды были прогрессивны для того времени, но в конце концов европейские экспансионисты приспособили их к своим интересам и начали использовать для оправдания имперских завоеваний, покорения Африки, Индии, Азии. В результате идеи Монтескье о мировом значении Европы были обращены на достижение целей, прямо противоположных тем, о которых помышлял сам философ.

И тем не менее, хотя Европа едва ли может претендовать сегодня на роль единственной «мастерской человечества», она была и остается генератором идей, которые обогащают все человечество, а не только страны, тесной группой расположившиеся в этом небольшом уголке земного шара. В Европе нет ни одной страны, которая не внесла бы своего вклада в культурное наследие всего человечества. И этот вклад становится все более примечательным, если проследить историю каждой страны и найти в каждом языке, в каждом народе присутствие особой культуры, единственной в своем роде для данного географического места и одновременно неотделимой от достижений континента в целом.

В этом есть своя историческая логика. История Европы — это история тесного переплетения судеб одних народов с судьбами других, одних культур — с другими. Мы всегда жили в объятиях друг у друга, и хотя история Европы была историей войн и национального соперничества, постоянно менявшихся союзов, она торжествовала не благодаря военным завоеваниям, а в результате своих уникальных культурных достижений. Европа сумела выжить за счет своей способности возрождаться из пепла разрушений. Реймский собор, великолепнейший шедевр средних веков, по-прежнему восхищает неподражаемой красотой. Он являет собой тонкий и непреходящий памятник мастерству ремесленников, строителей и инженеров, которые задумали и соорудили его. И почти ничто внешне не напоминает в наши дни о сотнях кровопролитных битв, которые разворачивались в Реймсе и вокруг него еще со времен Цезаря и вплоть до мая 1945 года, когда здесь капитулировал фашистский фельдмаршал Йодль. Культура в тех или иных ее формах всегда господствует над тленом.

И все же в Европе и даже в Англии, которая не знала вторжений с 1066 года, едва ли найдется деревня или город, где не было бы чего-либо будящего воспоминания о конфликтах, вспышках борьбы. Однако мысли об этой борьбе постоянно изглаживаются из нашей памяти потребностями повседневного существования. С Европой сегодня ассоциируется представление о людях, работающих в полях или на задымленных комбинатах, ее имя связано с преодолением разрушительных последствий войны и одновременно с имеющей всемирно-исторический смысл борьбой, которая все еще разделяет страны континента и будет разделять их впредь, пока европейские народы не создадут строй, при котором удастся навечно избавиться от фундаментальных противоречий.

Границы государств в Европе сложились сейчас, пожалуй, на самой реальной и разумной основе. Но никогда в истории ни одна граница не представляла собой четкой линии, наглухо отделяющей одну страну от другой или один народ от другого.

Нельзя не признать, что границы государств в Европе сложились сейчас, пожалуй, на самой реальной и разумной основе. Но никогда в истории ни одна граница не представляла собой четкой линии, наглухо отделяющей одну страну от другой или один народ от другого. Все мы знаем, как часто население пограничных районов смешивалось с «заграничным», а в случае Англии

и Франции, разделенных Ла-Маншем, до сих пор дают знать о себе признаки древней галльской общности между юго-западной оконечностью Англии и приморскими районами Нормандии и Бретани. Разумеется, было бы заблуждением преувеличивать это смешение в культурном плане. Однако нигде в Европе нет такой национальной культуры, на которой не отразилось бы влияние соседей, в том числе и результаты их культурных «вторжений». Дело не в языке, хотя и языки тоже могут смешиваться. Речь скорее должна идти о перекрещивающихся колоссальных социальных движениях, которые ныне вновь нарастают во всех западноевропейских обществах. Несмотря на длительные периоды насилия, соперничества и угнетения, в конечном итоге сложилась общая европейская культура, порожденная социально-экономическими эпохами готики, Реформации, Возрождения, промышленной революции и т. д. Прочность национальных культур временами, хотя и не всегда, была результатом воздействия силы, которая не желала признавать государственных границ и глубоко проникала в различные культурные слои, не уничтожая при этом их национальной самобытности.

Национальная культура никогда не была «чистой». Она представляет собой продукт гораздо более широкого притока идей, нежели узкие пределы, ограниченные линией, которую мы называем государственной границей. Идея «чистой» национальной культуры, кстати сказать, всегда выдвигалась наихудшими и самыми опасными элементами европейских обществ. Понадобился Гитлер, чтобы предпринять попытку создать некую «чистую» арийскую культуру для немецкого народа. А тем временем он столько разрушил, что погибшими оказались не только германские, но и мировые культурные ценности. Лишь благодаря победе советского народа, всех европейских народов над Гитлером удалось спасти и немецкую культуру от многолетнего периода тьмы и загнивания.

Культурный человек в любой европейской стране всегда стремится впитать в себя свою национальную культуру. Но, не довольствуясь этим, он неизменно устремляет свой взор и к лучшему из того, что предлагают ему другие. Шекспир принадлежит всей Европе и всему миру, так же, как Бетховен или Толстой. Мы зависим друг от друга. Только неразумный или же безнадежно предубежденный человек может утверждать, что какая-то страна Европы обладает, дескать, более богатой культурой, чем другая.

В общих чертах я попытался обрисовать сложную взаимосвязь нашей общей культуры в ее местных проявлениях, не стремясь сваливать все в одну грудку. И делаю я это потому, что независимо от государственных границ и ограничений над европейской культурой в целом, прежде всего над культурными сокровищами в Западной Европе, сейчас нависла новая угроза.

Мы в Англии уже знаем, что где-то в горах Уэльса или Корнуолла прорыта глубокая шахта, в которой, как утверждают, будут укрыты некоторые из наших величайших произведений искусства в случае ядерной войны. Больше того, подобные шахты и подземные укрытия должны по идее быть созданы по всей стране якобы для того, чтобы спасти наше культурное наследие от взрывных волн, огня, радиации и «бешенства вышедшей из-под контроля толпы», которая, по мнению оторванных от народа специалистов, сокрушит все и вся в поисках немногих оставшихся форм жизнеобеспечения.

Судя по сообщениям печати, аналогичные планы «спасения» произведений искусства разработаны во Франции, Западной Германии, Голландии, Швеции и, возможно, Бельгии. Одновременно воздвигаются убежища, которые должны укрыть немногочисленные группы «элиты», якобы способные восстановить «правопорядок» после ядерного крушения и подчинить ему гибнущие остатки населения.

Это не циничные разглагольствования, а серьезный пересказ того, о чем действительно говорится в различных государственных документах, авторы которых озабочены в первую очередь тем, как им «выжить» в случае ядерной войны. Это вывод, вытекающий из официальных планов и документов. Один из аспектов такой пропагандистской подготовки — попытка убедить народы Западной Европы заранее смириться с немислимым. Противоречия в этой ситуации совершенно очевидны, но они и типичны. Готовясь фактически к разрушению всего здравого в жизни народов, наши филистеры пытаются продемонстрировать свою «любовь» к культурным ценностям европейской цивилизации и роют шахты для «спасения» великих произведений искусства, которые они хотели бы унаследовать в мире, непригодном для жизни человека.

Есть что-то патологическое, самоубийственное в этой идее сохранения произведений искусства, даже если на европейской земле не останется людей, ради которых их только и нужно сохранять. В свое время эпоха Возрождения дала мощный импульс развитию науки и искусства. Ныне же буржуазия, судя по всему, рассуждает гораздо проще: после нас хоть потоп. В своих несбыточных расчетах на «выживание» в ядерной войне она уже готова ставить на карту будущее своего собственного общества, как если бы решила, что раз она не может выжить, то не должно выжить и ничто другое, во всяком случае, ничто живое или полезное.

Но произведения искусства и культурные ценности, которые мы унаследовали от ушедших поколений, принадлежат не буржуазии, и не ей укрывать их под землей или владеть ими. Подлинная суть Возрождения, которое заложило основы современной европейской культуры, никогда не сводилась к личному обла-

данию. Эпоха Возрождения стимулировала взлет гуманистической культуры и вдохнула новые силы в великое идейное наследие античной классики. Новые научные открытия позволили мыслителям того времени освободиться от мертвенной теологии феодализма, отбросить путы схоластики. Практически каждый аспект жизни был подвержен изменениям благодаря новому пониманию природных явлений. И сама природа получила научное объяснение, которое открывало перспективы развитию науки, философии и искусства. Наша современная европейская жизнь всеми своими корнями уходит в особые типы рациональности, которые зародились в эпоху Возрождения, а в дальнейшем проявились во всех странах Европы.

«Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством,— писал Ф. Энгельс в “Диалектике природы”, — эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 346*). Интеллектуальная целостность Возрождения в Европе была продуктом не военных походов, завоевателей или безумцев, а результатом деятельности художников, мыслителей, ученых, мастеровых и крестьян. Именно эта целостность вдохновила не только высокое искусство и широту научных открытий, но и революционные философские идеи, которые рождались в ту эпоху.

Эту целостность европейской мысли, искусства и науки было нелегко сохранить. Приходили времена, когда лучшие из европейских достижений использовались не на благие цели. С появлением капитализма такая судьба постигла и большинство достижений науки. Мы говорим об этом не для того, чтобы бросить тень на интеллектуальные достижения. Подобный ход событий был обусловлен безжалостной борьбой буржуазного строя за сохранение собственных позиций, а с появлением империализма — дракой одних монополистических монстров с другими.

Европейская культура не могла не сопротивляться своему разрушению в непрекращающейся борьбе между прогрессом и реакцией, между социальным сознанием и социальным обманом, между прошлым и неизбежным будущим. При этом выживание культурных ценностей нередко зависело в Западной Европе от того, в какой степени культура становилась достоянием народа и в какой — оставалась изолированной или используемой исключительно на потребу «элиты». Культурная и интеллектуальная жизнь той или иной страны всегда зависела от социальных условий и общего уровня образованности. Чем лучше социальные условия, шире охват населения образованием, тем культурней данный народ. Войны и экономические кризисы неизменно отрицательно сказывались на социальных условиях в Европе, общий уровень образованности повышался или понижался в зависимости от периодов стабильности или депрессии.

В наши дни, как мне кажется, мы наблюдаем в западных странах тенденцию к становлению некоей формы капитализма, при которой, как полагают его вдохновители, он мог бы успешно и прибыльно функционировать в условиях, когда из сферы продуктивной занятости и образования можно было бы изъять четвертую часть трудящегося населения. Именно так обстоят дела в капиталистических странах сегодня. Капитализм ненавидит полную занятость, отсутствие безработицы. Он их не желает и не добивается. В средние века в некоторые периоды около 40 процентов молодых людей Англии было священниками только потому, что феодальное общество не нуждалось в активном трудовом

населении. Им давали возможность существовать в качестве обнищавших паразитов на самой низкой ступени, так как общество только и могло содержать их на этом уровне. Это был период тьмы и невежества для всех народов, кроме «элиты». И именно на такую судьбу сейчас хотели бы обречь миллионы людей в Западной Европе.

Капитализм наших дней планирует избавиться от значительной части своего трудящегося населения и, изолировав ее, превратить в невежественную, легко управляемую, не поддающуюся организации армию безработных, которые будут разве что не умирать, но в своем отчаянии могут стать материалом для нового фашизма. Такова, например, суть событий в сегодняшней Англии.

А что происходит тем временем с нашим культурным наследием? Мы в Англии имели «Закон о бедных» 1834 года, который относил «бедняков» к категории преступников. На положении «бедняков» оказывались люди, которых промышленная революция не могла или не желала продуктивно использовать. Многие были осуждены как преступники и отправлены для заселения Австралии. Мы не знаем, что произойдет с нашими современными бедняками — тремя миллионами безработных. Но у них в любом случае очень немного шансов духовно обогатиться от общения с великими произведениями искусства и культурой нашего общества.

В книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс отмечал, что английскому пролетариату удалось добиться возможности самостоятельного образования и что социалисты совершили подлинное чудо, когда перевели для английских трудящихся лучшие произведения французских философов. Их поэтами, писал Энгельс, были Байрон и Шелли. Эта оценка, данная Ф. Энгельсом, относится к 1844 году. В наши дни мы не имеем ничего похожего на быстрое, распространение недорогой и хорошей литературы среди трудящихся, которое в свое время было частью борьбы против наихудших аспектов существовавшей социальной системы. Наш рабочий класс сегодня, наоборот, стремятся отделить от лучших произведений искусства. Его лишают возможности приобщения к высокой литературе, и лишь очень немногие хорошие книги находят путь в дома трудящихся. Наша система библиотек широко используется представителями трудящихся, но экономическая политика правительства консерваторов ведет сейчас и к ее развалу.

Реальная проблема — это низкий уровень народного образования. Ребенок из средней рабочей семьи имеет очень мало возможностей получить хорошее образование или поступить в университет, и поэтому общий уровень образованности в Англии быстро падает. В первые девять месяцев 1981 года в школах Англии и Уэльса было продано на 4 миллиона книг меньше, чем в предыдущем году. Сейчас 40 процентов всех английских школьников бросает учебу в 16-летнем возрасте и не получает больше никакого образования или профессиональной подготовки. В 1981 году потеряло работу 3 тысячи университетских преподавателей, такая же участь ждет многих других и в наступившем году. Наше общество отнюдь не то, где добиваются сохранения культурного наследия. Невозможность получить образование — лишь одна из форм отлучения от культуры, поскольку очень сомнительно, чтобы миллионы наших полубразованных, безработных молодых людей, полностью отрезанных от участия в культурной жизни, смогли воспользоваться плодами интеллектуальной жизни страны, не говоря уже об участии в ней. Они, по сути дела, приговорены к культурной смерти.

Даже наша система высшей школы подвергнута опустошению сокращением расходов и всевозможными ограничениями, естественно, не для богатых, а для

тех, кто не сдастся и в конце концов добивается для себя места в университете. От учебы будут вынуждены отказаться десятки тысяч молодых людей. Правительство, стоящее сейчас у власти в Англии, спокойно заявляет, что страна не может себе позволить дать образование всей своей молодежи. Расходы на образование подменяются огромными и все растущими затратами на вооружение, а это в свою очередь ведет к тому, что вместо озабоченности судьбами мира поощряются чуждые подлинной культуре рассуждения на темы войны, поощряется не приобщение к культуре, а скатывание в трясину насилия.

Чем больше простых людей любой западноевропейской страны отстраняют от культуры, тем более серьезной становится угроза ее коммерческой вульгаризации. В свою очередь, это ведет и к обострению угрозы войны. Старые и почти традиционные формы вульгаризации культуры остались, они являются неотъемлемой чертой существующего строя. Превращение культуры в товар было одним из первых проявлений нравственного падения капитализма. Но сейчас это положение возведено, во всяком случае в Англии, в ранг правительственной политики. Правительство консерваторов приняло решение о том, что все национальные памятники страны, начиная со знаменитого лондонского Тауэра и кончая доисторическими колоннами Стоунхенджа, должны быть переданы частным предпринимателям для их использования с целью получения прибыли. Тем самым национальное достояние Англии фактически передается на распродажу дельцам, и они занимаются ею, вполне естественно, без малейших угрызений совести.

Значительная часть величайших произведений западноевропейского искусства, как известно, находится и всегда была в частных руках, их все чаще и чаще продают и покупают, подобно, скажем, мылу. Или, если использовать более современную терминологию, их продают и покупают, подобно акциям и ценным бумагам, потому что произведения искусства представляют собой не только товар, но и выгодное капиталовложение. Если картину Пуссена, например, можно купить сегодня за миллион долларов, нет никакого сомнения, что через несколько лет она будет стоить два миллиона. Произведения искусства для сильных нашего мира — это то же, что вклад в банке.

Но товаром в Западной Европе стало не только наследие высокого искусства. В товар превращен и другой продукт интеллекта, столь важный для выживания западноевропейской культуры. Речь идет о технике, которая стала наиболее доходной составной частью капиталистической системы производства. В результате наши профессора и научные сотрудники учебных заведений вынуждены все больше и больше приспосабливаться к опасной системе, нуждающейся для своего выживания в их поддержке. Наши университеты полны слабонервных апологетов того самого строя, который в конечном итоге им же и угрожает. Ученым грозит опасность превратиться в блестящие ничтожества в тот момент, когда их открытия и изобретения начинают использоваться в недостойных целях. Западноевропейских интеллектуалов усиленно убеждают держаться в стороне от политических сфер, которые решают, как использовать плоды научных усилий. Ответственность за подчас опасные для будущего народов открытия ученых на них как бы больше не лежит. «Мы об этом позаботимся сами», — заявляют им люди, которым не следовало бы доверять даже перочинного ножа.

К счастью, многие из наших научных работников и преподавателей, наших философов не занимают ту покорную позицию, к которой их усиленно подталкивают. Содержание научных и философских журналов красноречиво доказывает, что многие из ученых умов верят в нечто большее, нежели примитивная

вульгаризация их интеллекта и использование плодов их научной работы во вред человечеству. Беда в том, что буржуазное общество стремится изолировать таких людей, превращая их в беспомощных или покорных индивидуумов. Но это далеко не всегда получается. Люди, во что бы ни пытались их превращать, руководствуются подчас ценностями, нередко возвышающимися над их собственным политическим кредо. Поэтому мы действительно имеем богатейшее культурное наследие в университетах и научных учреждениях. Угрозу для него создают, однако, не только филистеры, которые хотели бы закопать поглубже в землю культурные сокровища Европы, но и культурное обнищание рядовой человеческой личности, характерное для нынешнего этапа развития капитализма.

Антикультура в наши дни начинается с изоляции, деморализации и коммерциализации личности, то есть процесса, по своим последствиям прямо противоположного тем, которые принесла человечеству эпоха Возрождения. В «Героях дела в раздумье» Луначарский писал об эпохе, пришедшей на смену эпохе Возрождения: «Индивид проявил себя, по крайней мере на вершине общественной лестницы, во всей силе, — и он ценил себя, и чувствовал, что, творя историю, надолго переживет себя». В одном популярном справочнике говорится, что эпоха Возрождения «ознаменовалась подъемом индивидуализма, новой свободой мысли и поведения, влиянием личности на каждый аспект человеческой жизни, начиная от моды в одежде и кончая попытками угадать суть этого и трансцендентального миров. Для того времени был характерен острый интерес ко всему, что окружало человека».

В наши дни личность в буржуазном обществе всячески побуждают видеть в себе человека наедине с собственной судьбой, человека в экзистенциалистском понимании, затерявшегося в хаосе окружающей среды, человека, которого убеждают искать собственное спасение лишь в самом себе. Буржуазия превратила личность в прямую противоположность тому, чем человека сделала эпоха Возрождения. И в результате вместо высвобождения своих способностей он превращается в пленника в окружающей его среде. Человек уже сомневается в своей собственной ценности (в социальном и историческом плане), он уже оторван от всего остального человечества.

Таковы условия, с которыми в наши дни приходится сталкиваться личности в Западной Европе, которым ей приходится противиться и с которыми она вынуждена бороться, хотя многие часто и не сознают источника своих проблем или их политической подоплеки. В то же время на положении самых незащищенных жертв оказалась масса населения, с самого начала оторванная от культуры. Насилие, скандалы, пессимизм, цинизм, жестокость, порнография, прямой политический обман ежедневно обрушиваются на них со страниц так называемой «популярной» печати в каждой из стран Западной Европы. И английская пресса с ее массовыми тиражами в этом отношении, несомненно, опустилась особенно низко. На экранах наших телевизоров рядовой англичанин может видеть лишь убийства, картины жестокости, насилие, которое вершит полиция, неправдоподобные шпионские истории, грубый секс и идиотские комедии. Если на телевидении и показывают программы более высокого сорта, то их откровенно предназначают для тех, кто стоит над широкими массами, обреченными впитывать в себя всевозможный хлам. С тем же основанием это можно сказать и о кинофильмах, книгах, произведениях искусства, музыке и театре. По большей части так называемая «популярная» культура сводится к самому низкому знаменателю. Ее творцы, судя по всему, стремятся внушить людям, что их природе глубоко свойственны насильственные побуждения, что они глупы и недостойны того, чтобы

о них проявляли заботу на вершине политической власти. Или, в лучшем случае, что они представляют собой не более чем клоунов в грандиозном цирке, подменяющем реальную жизнь и реальную драму.

Сопротивление широких масс так называемой «массовой культуре» не так легко выразить или организовать.

Сопротивление широких масс так называемой «массовой культуре» не так легко выразить или организовать. Общество, которое пичкает широкие народные массы культурными отбросами, жестко контролирует все аспекты

распространения культуры и информации. Иными словами, рабочий человек может выключить телевизор и не смотреть программу, которая ему не нравится, или отбросить газету, которая ему не по душе. Однако это очень слабо отразится на могуществе средств массовой информации. Если буржуазия достаточно образованна, чтобы пользоваться благами нашего великого европейского культурного наследия, то уровень образования рабочего класса в некоторых западноевропейских странах наглядно демонстрирует удаленность трудящихся от общекультурных вопросов. Чтобы рабочий человек получил возможность приобщиться к высокой культуре, он не только должен преодолеть ограниченность полученного им образования, но и каким-то образом перешагнуть сложный социальный барьер.

Чужак у нашего порога

В одной из недавних статей английская «Гардиан» писала, что в наши дни «молодежь впитывает в себя все то, что ассоциируется с Голливудом и Нью-Йорком, так же естественно, как воздух». Дело в том, что значительная часть развлекательных материалов и программ лондонского телевидения поступает из Соединенных Штатов, и в них скрыты источники немалого идейного влияния, хотя в Великобритании этого подчас не осознают. Конечно же, отнюдь не все проявления американского влияния на европейскую культуру были неблагоприятными. Наоборот, Европа извлекла для себя немало полезного из знакомства с лучшими образцами американской культуры. Но и в самих Соединенных Штатах сейчас существует та же проблема, с которой сталкиваемся мы в Западной Европе. В Америке лучшие представители ее культуры тоже ведут непрерывную и тяжелую борьбу за спасение великого наследия американской культуры, в ней участвуют те же самые силы, что и в европейских капиталистических странах, существуют те же проблемы. Те же люди имеют привилегию пользоваться благами культуры и те же массы, что и у нас, практически изолированы от них.

В статье, которую опубликовала «Гардиан», говорится, что «теплота братских объятий (между Соединенными Штатами и Англией. — Дж. О.) порождает свои собственные иллюзии. Даже культурные люди, судя по всему, попадают на этот крючок». И газета далее пишет, что американские материалы, которые появляются на экранах телевизоров, подобны «голосу с другой планеты... В условиях меняющегося мира это различие имеет решающее значение. У нас может быть общее наследие, мы говорим на одном языке и имеем схожие черты характера, что помогает правильно судить о нас; мы можем по большей части упиваться этим

общим опытом; но если заглянуть в глубь структуры наших обществ, мы далеко не одно и то же».

Почти каждый день Западная Европа, оглядываясь на свое прошлое и видя свое настоящее, убеждается, что она отличается от Соединенных Штатов. Тем не менее культура каждой западноевропейской страны все глубже пропитывается американским влиянием, и это вторжение извне зачастую сказывается на ней отрицательно. Если лучшее из Соединенных Штатов достигает нас в ограниченных количествах, то не следует забывать, что гораздо чаще к нам попадает худшее, и именно это худшее создает реальную проблему. Этот процесс имеет давнюю историю, и тем не менее все еще часто задаются вопросом, почему дешевая американская массовая культура сумела так глубоко проникнуть в западноевропейскую жизнь. Ответ на этот вопрос, вероятно, достаточно прост. Ее производство в Америке поставлено на массовую основу и весьма прибыльно, и Америка в состоянии не только оставить любую западноевропейскую страну далеко позади по объему такого производства, но и сбывать эту макулатуру практически сразу же, как только она появляется на свет. Иными словами, Америка имеет колоссальные финансовые ресурсы для организации производства настоящих гор поделок этой псевдокультуры и наводнения ими любого рынка в Западной Европе.

Часто довольно трудно с определенностью сказать, какие последствия сложившееся положение имеет для нашей национальной культуры, так как импорт американских идей ставит проблемы не только культуры, но и политического влияния и военного присутствия — подчас все эти источники влияния становятся неотделимыми друг от друга. История Западной Европы после второй мировой войны столь существенно определялась американским влиянием, что в дни «холодной войны» она покорно подчинялась малейшим прихотям американской политики, направленной против Советского Союза, независимо от того, какие правительства стояли у власти.

Вплоть до наступления «холодной войны» традиционный культурный обмен между Америкой и Европой обычно бывал очень плодотворным. Но «холодная война» превратила Америку в могилу культуры, что определенным образом отразилось и на Западной Европе. К тому же американское политическое вмешательство в западноевропейские дела носило абсолютно односторонний характер. Хозяин отдавал приказания лакею. Американский журнал «Рэмпартс» сообщал (и позже это было подтверждено), что американцы регулярно предоставляли денежные суммы английскому Национальному союзу студентов и по меньшей мере одному из наших знаменитых «интеллектуальных» журналов. Подобные «пособия» выплачивались многим другим организациям и печатным изданиям в Западной Европе, а в ответ на это требовали распространить на Европу маккартистскую «охоту на ведьм». В общем, можно сказать, что американцы получали за свои деньги, что хотели. Психология «холодной войны» причинила страшный ущерб культурной жизни в Западной Европе, хотя это и приняло иную форму, чем в самой Америке.

Недавняя статья Р. Рауда в «Гардиан» о периоде «холодной войны» в Западной Европе начиналась словами: «Небольшая группа неортодоксальных искусствоведов в Италии и Франции выдвинула теорию, по которой американский культурный империализм одурачил нас в 60-е годы и заставил поверить, будто абстрактное экспрессионистское направление в живописи тех дней представляло собой важное течение в современном искусстве». Эта группа, писал РAUD, дает недвусмысленно понять, что данная операция финансировалась американскими деньгами, в том числе и из бюджета ЦРУ. Рауд не соглашается с этой точкой зрения,

но тем не менее пересказывает все более широко распространяющееся убеждение относительно американского влияния на западноевропейскую культуру в период «холодной войны». ЦРУ затратило миллионы долларов на финансирование своих попыток повлиять на интеллигенцию и деятелей искусства Западной Европы, стремясь убедить европейскую интеллигенцию или настолько запугать ее, чтобы заставить смириться с американскими представлениями о положении дел в мире, сводившимися к голой ненависти в отношении Советского Союза.

Сегодня дело обстоит несколько иначе. Американское влияние все еще остается, но оно приняло более тонкие и гораздо более «убедительные» формы, чем в 60-х годах, сохраняя, однако, свою хищническую, торгашескую и вульгарную направленность. В настоящий момент в сфере культурного экспорта в Западную Европу американцы поставляют нам прежде всего собственные образцы жестокости и насилия. Из вечера в вечер на экранах телевизоров нас приобщают к американской преступности, убийствам, наркомании, грубому сексу и лицемерной склонности среднего класса сетовать на свою судьбу. Когда «Гардиан» пишет о влиянии Голливуда и Нью-Йорка на молодежь, речь идет об аморальном и насквозь погрязшем в сексе Голливуде и о разгуле насилия, царстве жестокости в Нью-Йорке. В первые девять месяцев 1981 года в Нью-Йорке было официально зарегистрировано 1100 убийств и 70 тысяч уличных грабежей, и каждый вечер все это нам показывают по телевидению. Типичным примером может служить американский детективный сериал «Старски и Хатч» о двух нью-йоркских полицейских, которые расхаживают в джинсах, потрепанных куртках и теннисных туфлях, производя весьма неопрятное и неряшливое впечатление. В каждой передаче программы, которую нам еженедельно показывают уже на протяжении многих лет, Старски и Хатч неизменно прибегают к насилию, выполняя свои полицейские функции, что всегда имеет в Америке один и тот же конец — появляются крупнокалиберные, смертоносные автоматические пистолеты, ибо за океаном таков единственный способ разрешения всех конфликтов.

Есть и английская программа, которая очень похожа на американскую передачу о Старски и Хатче, именуемая «Профессионалы». Вместо полицейских в неряшливой гражданской одежде, разыскивающих преступников, «герои» нашей программы каждую неделю ловят шпионов, потому что английский истэблшмент одержим шпиономанией. Однако и в этой программе перед нашими глазами предстает все то же безжалостное насилие, подчас даже худшее: угрюмые, мрачные, грубые, порою звереющие образцы «наших защитников» производят настолько устрашающее впечатление, что, если бы они действительно существовали в жизни, их следовало бы поскорее посадить под замок, чтобы оградить нас от их насилия.

Если подумать, для чего все это делается, то нужно сделать вывод, что таким путем стремятся убедить людей смириться с поразительной склонностью к насилию и преступности в американском образе жизни, воспринимать их как приемлемую сторону человеческого существования, будь то в американском или западноевропейском капиталистическом обществе. А вслед за этим нам преподносят представление об американской жизни как о высшем совершенстве, якобы достойном всяческого подражания. Американская телевизионная «модель» образа жизни шаг за шагом переключивается и в западноевропейскую среду, поскольку нашу молодежь все больше и больше приобщают не только к культуре преступности, но и к своеобразным религиозным культам, зародившимся и финансируемым в Америке, которые предлагают нравственное обоснование подобного разгула насилия. Речь, однако, идет уже не о телевизионном, а о вполне осязаемом, ма-

териальном экспорте в виде прибывающих из Соединенных Штатов реальных носителей доморощенного религиозного умопомешательства, характерного ныне для американской мелкобуржуазной среды.

Американские религиозные секты ставят своей целью превратить наших юношей и девушек в подражателей образцам «идеального» американского молодого человека — фанатичной, невежественной, безжалостной, но вполне способной позаботиться о себе одномерной личности, мировоззрение которой покоится на примитивном маккартизме, то есть насквозь проникнуто глубокой ненавистью к Советскому Союзу, коммунизму, социализму, либерализму, науке и даже к обычным великодушным поступкам в нашей повседневной жизни. Эти религиозные организации сказочно богаты, поскольку, как правило, пользуются поддержкой миллионеров. Они уже имеют немалое влияние в американской политической жизни и пытаются ныне распространить его и на Западную Европу. Одна из этих сект была создана южнокорейским предпринимателем Нан Муном, специализирующимся на производстве оружия. Перед своими почитателями он предстает в облике некоего «святого антикоммуниста», которому, однако, в светской жизни принадлежит ежедневная газета в Нью-Йорке. Сегодня Нан Мун имеет несколько миллионов последователей в разных странах, главным образом в Соединенных Штатах. Мы видим его юных американских адептов на наших лондонских улицах — аккуратненьких, идеально одетых американцев, всем своим видом как бы призывающих присоединиться к религиозной кампании против коммунизма, с которым в их представлении отождествляется все, что хотя бы наводит на мысль о «либеральных» убеждениях, гуманизме, терпимом отношении к идеям. Члены этой секты, как и участники других, ей подобных, — таких сект насчитывается с полдюжины — исповедуют общую «политическую религию» ненависти к Советскому Союзу и всему прогрессивному, не гнушаясь при этом старым оружием церковников, а именно, обвиняя в «подрывной деятельности» каждого, кто осмеливается усомниться в обоснованности ветхозаветной истории сотворения нашего мира из ничего.

В более долгосрочной перспективе сопротивление европейцев этим новым, можно сказать, экзотическим источникам влияния, которые несут с собой отрицание гуманистического наследия европейской культуры, будет зависеть от нашего собственного европейского здравомыслия. Однако и этого нас хотят лишить. Когда в недалеком будущем появится трансатлантическая система постоянной космической телевизионной связи с использованием спутников Земли, встанет вопрос о начале нового этапа американского вторжения в нашу культуру, ибо американские телевизионные станции получат возможность без ретрансляции передавать любые пропагандистские материалы непосредственно в дом каждого жителя Западной Европы, имеющего телевизионный приемник. Одна из первых задач американского челночного космического корабля, о котором ведется столь много разговоров, как раз и будет заключаться в выводе на орбиту американских телевизионных спутников, принадлежащих частным монополиям, хозяева которых будут транслировать все, что пожелают.

Соединенные Штаты уже готовятся использовать эту систему для распространения своего культурного суррогата и пропаганды в других странах. При этом ставится цель максимально глубоко проникнуть в умы и сознание европейцев. У нас американские планы кое-кого уже по-серьезному беспокоят. «Санди таймс» недавно писала, что «перспектива затопления Европы продукцией транснациональных телевизионных корпораций начинает пугать власти». И тем не менее эта новая потенциальная возможность американского проникновения в Европу

основывается на единстве классовых устремлений реакции в Соединенных Штатах и Западной Европе. Если американский экспорт опасного религиозного умопомешательства и культа насилия пробьет себе новый путь, чтобы окончательно затопить западноевропейский рынок, это произойдет потому, что идеологический «товар» из-за океана будет приветствоваться здешними духовными «братьями» американских воротил, такими же филистерами, как и они, собирающимися поглубже укрыть под землей наше культурное наследие.

Где соприкасаются политика и культура

Политика отлучения западноевропейских стран от культуры, которую при попустительстве монополистической верхушки в западной части нашего континента проводит американский капитализм, сегодня уже не довольствуется сферой социального воздействия. Она идет дальше, угрожая катастрофой ядерной войны. Именно в этом заключается ныне наиболее грозная опасность для европейской культуры. Вера нынешних правителей Соединенных Штатов в возможность одержать верх в «ограниченной» ядерной войне в Европе, создание ими нейтронной бомбы, планы размещения крылатых ракет на европейской земле — все это создает самую большую угрозу не только для европейской культуры, но для самой жизни на континенте.

Цинизм, с которым в Вашингтоне говорят об «ограниченной» войне, которую, дескать, удастся отвести от Соединенных Штатов, воспринимается в Европе прежде всего как свидетельство абсолютного пренебрежения к коренным жизненным интересам западноевропейских народов. В то же время в нем видят яркое проявление полного отсутствия в правящих кругах Америки какого-либо понимания значения многовековой истории европейской цивилизации, всей европейской культуры для мирового развития. Таков логический финал антикультурной политики монополистического капитала.

В самом деле, можно ли считать культурными людей, которые не исключают возможного разрушения Европы ради своей воображаемой безопасности? Или же они одержимы лишь слепым стремлением навязать всем нам пораженную кульгом насилия, опасную и подчас безумную социальную систему, независимо от того, скольких бы жизней это ни стоило, каких бы потерь общечеловеческой культуре это ни принесло? И что мы должны думать о тех западноевропейских государственных деятелях, которые проявляют готовность принести миллионы жизней своих граждан в жертву чуждой политике, угрожающей их же уничтожением? Можно ли их называть культурными людьми? Может быть, их было бы правильнее считать ядерными филистерами, которые готовы поставить на карту судьбу целого континента, чтобы помочь опасному союзнику выполнять роль мирового жандарма, даже если это грозит опасностью всеобщего уничтожения?

Западноевропейские народы с каждым днем все лучше осознают выбор, перед которым они поставлены. Грандиозные манифестации сторонников мира в Бонне, Амстердаме, Париже, Риме, Лондоне, Мадриде, Афинах выражают не только решимость все большего числа людей отстаивать мир, но и показывают их готовность бороться за сохранение достижений цивилизации, за то, чтобы окончательно избавить человека от невежества, насилия, эксплуатации. Сегодня люди, проходящие по улицам наших городов, протестуя против дальнейшего наращивания ядерных арсеналов, представляют лучшие силы в Западной Европе, и необходимо сказать, что и по ту сторону Атлантики развертывается аналогичная борьба, хотя американцам это отнюдь не легко делать. Они подвергаются

колоссальному и самому грубому нажиму. Им приходится нащупывать путь через густой лес насилия и искусственно раздуваемой ненависти. И прежде всего им нужно подняться над моральным кредо безнравственности, которое отождествляет лояльность с отвержением почти всего того, за что боролся и борется каждый культурный человек как в Западной Европе, так и в США.

В 1901 году известный американский публицист и критик Э. Хаббард после посещения Европы писал в журнале «Филлистайн»: «Единственные враги, угрожающие Америке, — это ее внутренние враги: невежество, предрассудки и некомпетентность». Сегодня вряд ли можно обвинить Соединенные Штаты в некомпетентности, но невежество и предрассудки остаются врагами Америки. Коль скоро Европа все еще склонна рассматривать себя как «мастерскую человечества», то ей придется помогать ее американским друзьям избавиться от этих опасных недостатков. Если ей суждено спастись от ядерной катастрофы, навлекаемой невежественными и полными предрассудков людьми, то действовать надо незамедлительно. ◆

*г. Лондон,
январь 1982 года*